

Обычный, ничем не примечательный день клонился к вечеру. Закончив тренировку, игроки в американский футбол лениво собирали вещи в раздевалке, перебрасываясь дежурными фразами.

— Завтра повторим! У меня предчувствие, что я побью рекорд, — громогласно расхохотался Тайра Кудзи, подначивая Аки Рэйсукэ, который только что уступил ему в жиме лёжа. — Да и побеждать вот так, без усилий, скучновато.

Рэйсукэ промолчал. Ему было не до подколов: мысли парня витали далеко от тренировочного зала.

Стоило вспомнить о своём отчаянном, бесшабашном признании, сделанном несколько дней назад, как его не слишком тонкое, но на удивление точное шестое чувство начинало подавать тревожные сигналы. Беда явно была на подходе.

С Камикавой Мотонори до сих пор не удалось связаться. Без их главного стратега и идейного вдохновителя вся затея повисла в воздухе. Как действовать дальше и стоит ли вообще продолжать — на этих вопросах теперь красовался жирный знак препинания.

— Ты в последнее время сам не свой, в защите сильно сдал по скорости. Если не соберёшься, мигом вылетишь во второй состав, — Хондзё Така, собравшийся раньше всех, без обиняков указал на слабые результаты приятеля. Впрочем, лезть в чужие дела он не собирался и просто первым вышел за дверь.

Почти сразу же из коридора донёсся какой-то шум — торопливые, сбивающиеся шаги и приглушённые, взволнованные голоса.

— Пойдите! Эй, парень, подожди! Дальше раздевалка первого состава!

Судя по всему, кто-то из резервистов безуспешно пытался преградить путь незваному гостю.

Дверь с грохотом распахнулась, заставив всех в раздевалке мгновенно замереть.

На пороге выросла одинокая фигура. От этого человека веяло такой леденящей, непреодолимой яростью, что преградить ему дорогу никто не решился.

«Настоящий разгневанный защитник веры...» — мелькнуло в голове у Тайры Кудзи. Ругательство, уже готовое сорваться с его губ, застряло в горле.

— Ситори Юки. Я пришёл за объяснениями.

Гость представился просто и сухо. Перед ними стоял тот самый легендарный «Ситори Первого

Снега» собственной персоной. Он медленно окинул притихших парней изумрудным взглядом, метавшим ледяные искры, и остановился на Ямато Такэру.

— Разговор есть. Выйди на пару слов, Ямато.

Под напряжёнными взглядами товарищей Ямато с абсолютно невозмутимым видом последовал за незванным гостем.

Едва за ними закрылась дверь, как в раздевалке наконец-то отпустило напряжение, и застоявшийся воздух снова пришёл в движение.

— Вот это да, у меня аж сердце ёкнуло, — Тайра Кудзи шумно выдохнул. — И подумать не мог, что этот Ситори выглядит именно так. Эй, Ахиллес, как думаешь, зачем он вызвал Ямато?

В ответ — гробовое молчание.

— Ахиллес, ты чего?

Кудзи обернулся и наткнулся взглядом на побледневшего, ошарашенного приятеля.

«Он точно меня заметил!»

У Рэйсукэ от страха поплыло перед глазами, а в голове воцарилась звенящая пустота. Из всех впечатлений последних минут в памяти засел лишь пронзительный, полный скрытого смысла взгляд, который Ситори бросил на него перед самым уходом. Их глаза встретились всего на долю секунды, но этого хватило с головой.

«Узнал, сто процентов узнал! Всё, мне крышка! Что теперь делать-то? Он же пришёл меня с потрохами сдать!»

Кудзи ободряюще хлопнул оцепенелого приятеля по плечу.

— Эй, очнись! Ты что, спишь на ходу?

— Д-да нет... Просто у-устал чертовски.

Вернувшийся в раздевалку Хондзё Така отложил в сторону книгу.

— Ты явно что-то скрываешь.

— Н-ничего я не знаю!

— Ахиллес, тебя что, трясёт? — подозрительно прищурился Кудзи.

— И вряд ли от переутомления на тренировке, — вставил Така.

— Выкладывай давай, — припечатали оба в один голос.

Оказавшись под перекрёстным огнём, Рэйсукэ лишь судорожно мотал головой, предпринимая отчаянные, но совершенно бессмысленные попытки выкрутиться.

\*\*\*

Тем временем Ямато привёл незваного гостя в пустующий учебный класс в конце коридора.

Ситори не стал ходить вокруг да около и сразу пошёл в атаку, швырнув стопку исписанных листов прямо перед капитаном.

— Полюбуйся. Это художества твоих орлов!

Ямато невозмутимо принял доказательства. Бегло просмотрев бумаги, он нахмурился, искренне не понимая сути претензий.

— Хочешь пожаловаться, что кто-то из наших парней перегнул палку с ухаживаниями и мешает тебе жить? Что ж, приношу извинения. В личные дела ребят я вмешиваться не вправе, но обещаю провести с ними беседу.

— Ты присмотришься получше. К четвёртому и пятому письмам, — Ситори от злости едва сдерживал смех.

В его язвительном тоне сквозил неприкрытый сарказм, когда он ткнул пальцем в бумагу, облегчая Ямато задачу.

— Видишь эти вмятины? Текст четвёртого послания отчётливо отпечатался на чистом листе пятого. Такое возможно лишь в одном случае: если эти шедевры строчили на одной коленке, подкладывая листы друг под друга.

Ситори скрестил руки на груди.

— Сперва я решил, что кучке идиотов просто нечем заняться и они решили разнообразить школьные будни глупым розыгрышем. Но угадай, что я обнаружил, когда сопоставил имена

отправителей? Все эти умники, портившие мне кровь пять дней подряд, поголовно состоят в твоём клубе.

Ямато промолчал.

Сопоставив факты с недавними бурными обсуждениями о поиске толкового квотербека, он без труда догадался, какую дичь самовольно сотворили его орлы.

— Знаешь, поначалу мне безумно хотелось запихать эти бумажки им прямо в глотки. Но потом я передумал — лучше один раз переговорить с вожаком и закрыть тему раз и навсегда.

С этими словами Ситори выудил из кармана продолговатый, размером с ладонь прибор. Это был диктофон-ручка.

— Если ваш клуб американского футбола не оставит Карин в покое или продолжит донимать меня этой дешёвой клоунадой, я пущу записи их любовных признаний по школьному радио. На всю академию.

Ситори угрожающе прищурился.

— И я слов на ветер не бросаю.

\*\*\*

— Ну, теперь мы точно влипли, — Тайра Кудзи озабоченно поскрёб подбородок, разглядывая разложенные на парте листы. — Ума не приложу, что теперь делать.

Хондзё Така хмуро глянул на капитана:

— А почему ты просто не отобрал у него эту диктофон-ручку?

— Да брось, парень ведь не идиот. Раз пришёл с этим к Ямато, наверняка подстраховался и сделал копии, — рассудил Кудзи.

— С диктофон-ручки можно делать копии? — удивился Така.

— Ха-ха, Така, ты в гаджетах вообще дуб дубом, да? — беззлобно подколот его Кудзи. — А что касается нашего Ахиллеса... Тут уж всё зависит от виновника торжества.

Ямато, до сих пор хранивший молчание, повернулся к съёжившемуся в углу Аки Рэйсукэ.

— Ну так что, Ахиллес? Каковы твои соображения?

—... Может, он просто блефует? Вдруг там вообще пусто?

Сжавшийся в комок Рэйсукэ походил на буддийского монаха в глубокой медитации. Он отчаянно цеплялся за спасительную соломинку, пытаясь усыпить собственную бдительность.

— Вряд ли, — покачал головой Ямато. — Судя по характеру Ситори и тому, в каком бешенстве он к нам заявился, блеф исключён.

— Ищи во всём плюсы, — флегматично заметил Така. — Скоро о тебе заговорит вся академия. Обойдётся по популярности самого Ямато.

— Да уж, завидую белой завистью, — хохотнул Кудзи, безжалостно добивая приятеля. — Представь, Ахиллес, все старшеклассницы будут знать твоё имя наизусть.

— Да вы издеваетесь?! Какой нормальный человек захочет прославиться ТАКИМ образом?! Хватит, умоляю, замолчите! Пусть этот кошмар уже закончится!

Рэйсукэ обхватил голову руками, утыкаясь лицом в колени. Жестокая реальность безжалостно растоптала его хрупкие иллюзии.

— Да и вообще, кто ходит выслушивать любовные признания с включённой диктофон-ручкой?! Это же просто удар ниже пояса!

— Ну, тут парень, видимо, просто научен горьким опытом, — Кудзи многозначительно усмехнулся. Раз уж пошёл такой откровенный разговор, скрывать известные ему подробности смысла не было. — Помните Харусаю Макото? Он как-то раз устроил веерную рассылку любовных писем. И умудрился перепутать конверты: письмо для Ситори ушло девчонке по фамилии Ясуи, а её послание досталось самому Ситори. Тот недолго думая взял да и пригвоздил этот позор к школьной доске объявлений.

Кто бы мог подумать, что пуля, выпущенная Харусаей пару недель назад, сделает безумный рикошет и угодит прямо в лоб несчастному защитнику клуба американского футбола.

— Харусая! Тварь! Век не забуду! — взвыл обманутый в лучших чувствах Рэйсукэ.

— Кстати, Ахиллес, ты это письмо реально сам выродил? С твоими-то успехами по литературе... Скорее всего, содрал откуда-то готовое, — Кудзи продолжал глумиться над пострадавшим.

— И почерк как у курицы лапой, — добавил свои пять копеек Така.

— Да идите вы к чёрту! Помогли бы лучше придумать, как мне шкуру спасти! Камикава, блин, устроился лучше всех — взял больничный в самый разгар шухера и технично слился! Ну и жук!

Рэйсукэ кусал локти, проклиная собственную глупость.

— Думаю, Камикаве действительно сейчас не до смеха, — покачал головой Кудзи.

— Это ещё почему?

— Говорят, парень огрёл тяжелейшую душевную травму, да и физически знатно пострадал. Я сперва решил, что он просто косит от тренировок, но теперь, кажется, начинаю понимать всю глубину его драмы.

Кудзи перевёл взгляд на четвёртый лист, внизу которого красовалась размашистая подпись отсутствующего ныне Мотонори.

— Представь: Ситори, который и так после выкрутасов Харусаи шарахался от каждой тени, слушает, как Камикава зачитывает ему свои излияния. Как думаешь, насколько жёстко он его приложил?

Воображение Рэйсукэ услужливо нарисовало настолько живописную и кровавую картину расправы, что несчастного снова затрясло мелкой дрожью.

Если взглянуть на ситуацию под этим углом, то возможность отделаться лёгким испугом и продолжать гонять мяч делала его форменным баловнем судьбы.

Ямато мягко, но решительно прервал их препирательства, возвращая к сути проблемы:

— Давай начистоту, Ахиллес. Зачем ты вообще ввязался в эту авантюру?

— А Ситори разве не объяснил?

— Я догадываюсь о мотивах, но хочу услышать чистосердечное признание из твоих уст.

—... Ладно, — сдался Рэйсукэ. — Камикава божился, что так мы сможем нейтрализовать Ситори. Отвлечь его внимание, чтобы он не крутился возле команды и не мешал нам уговаривать нового квотербека.

— Ну ещё бы, — фыркнул Кудзи. — На такую копеечную разводку только ты и мог повестись. Ну и ещё несколько недоумков из резервного состава.

— На будущее: прежде чем ввязываться в сомнительные схемы, поинтересуйся мнением Ямато, — отрезал Така.

Ямато лишь сокрушённо покачал головой и негромко рассмеялся:

— Что сделано, то сделано, Ахиллес. Смысла махать кулаками после драки нет. Вместо того чтобы сокрушаться о пролитом молоке, займись делом.

Он посерьёзней:

— Ни я, ни Геркулес, ни Така за тебя этого не сделают. Ты накосячил — тебе и разгребать. Ищи способ загладить вину и добиться прощения Ситори.

Только после этих слов Рэйсукэ наконец притих и всерьёз задумался над советами товарищей.

— Но вообще, если отвлечься от лирики... — Кудзи выудил из общей стопки листы, исписанные почерком Камикавы Мотонори. — Кое-что тут действительно заслуживает внимания. Это просто нечто.

Така скользнул взглядом по строчкам. Текст был настолько забористым, что у парня, всегда гордившегося своим стопроцентным зрением, на миг потемнело в глазах.

— М-да. Это фиаско. Такое показывать вообще противозаконно.

— Да уж, я сам знатно опешил, — вздохнул Ямато. — Как вообще можно было додуматься излить подобное на бумаге? Неудивительно, что Ситори примчался к нам на всех парах. Если эти откровения услышит вся академия...

Исключая пребывающего в счастливом неведении Рэйсукэ, трое парней отчётливо представили себе грядущую катастрофу. Это был бы социальный суицид чистой воды, ад на земле.

— Ахиллес, — Кудзи посмотрел на приятеля с небывалой серьёзностью. — Что бы ты ни планировал предпринять для искупления грехов, заклиная тебя: ни при каких обстоятельствах не зли Ситори.

Ямато и Така за его спиной абсолютно синхронно, как по команде, закивали головами.